

Рихард Поле. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933).

Перевод А.В. Перцева и О.А. Матвейчева.
СПб.: Владимир Даль, 2021

Для цитирования: Дёмин, М.Р. Рецензия на книгу *Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933)*, Рихард Поле. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 458–464.

For citation: Demin, Maksim R. Review of *Platon als Erzieher. Platonrenessance und Antimodernismus in Deutschland (1890–1933)*, by Richard Pohle. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 458–464. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 25.06.22
Принята к публикации / Accepted: 30.06.22

Книга Рихарда Поле посвящена феномену необычной популярности Платона, которая наблюдалась в немецкой культуре с 1890-х гг. и вплоть до конца Веймарской республики. Интерес к самой фигуре Платона и его философии в этот период выходит далеко за пределы философского сообщества. Рецепция Платона рассматривается Поле от эпохи правления Вильгельма II, когда возникла дискуссия о значимости преподавания в школе древних языков, через время мобилизации Первой мировой войны и последующей поствоенной депрессии, до конца периода Веймарской Республики, где Платон стал

ассоциироваться с правителем, способным противостоять хаосу демократии.

Читателю не стоит ожидать от книги фокуса на реконструкции философских аргументов, историк Поле концентрируется на описании конкурирующих интерпретаций философии и личности Платона. Здесь Рихард Поле ставит задачу уточнить и скорректировать тезис, разделяемый, например, Барбарой Стиве, о прямой связи третьего гуманизма (и круга Георге) со становящейся идеологией Третьего Рейха¹. История этого периода выглядит для автора книги полем взаимодействия и противостояния разных интеллектуальных групп, как он их называет, используя термин Людвиг Флека, «стилей мышления». Чтобы выявить эти стилевые особенности, Поле анализирует не только программные издания, но и предисловия и рецензии, а также социальные и институциональные условия, делающие возможным столь широкую рецепцию Платона.

Ниже мы проследим вслед за Рихардом Поле стратегии актуализации Платона в Кайзеровской Германии и Веймарской Республике, а затем обсудим мораль, которую можно вынести из этого сюжета.

Анализ предпосылок Платоновского ренессанса в начале XX в. Поле начинает с обзора специфики образовательной системы Германии. Еще с реформ начала XIX в. изучение древних языков, греческого и латыни, занимало существенную часть учебной программы гимназий. Гимназии представляли собой элитарные учреждения, окончив их, можно было поступить в университет. В отличие от них, окончание «реальной школы», где древним языкам уделялось существенно меньше внимания, такой возможности не давало². Это деление основывалось на убежденности, что знание античной культуры является необходимым, чтобы считаться элитой кайзеровского общества, делать

---

¹ Barbara Stiewe, *Der «Dritte Humanismus» Aspekte deutscher Griechenrezeption vom George-Kreis bis zum Nationalsozialismus* (Berlin; New York: De Gruyter, 2011).

² Нужно отметить, что такая система, где выбор образовательной траектории осуществляется в момент поступления в среднюю школу, сохраняется в Германии и сейчас.

бюрократическую и научную карьеру, работать по наиболее престижным профессиям. Однако к концу XIX в. традиция определять элиту через ее отношение к античному наследию подвергается критике. Даже Вильгельму II требование знаний античных языков казалось настолько искусственным, что его следовало заменить в пользу изучения немецкого языка и культуры.

Казалось бы, дебаты о необходимости изучать в школе греческий язык и античную культуру должны были уменьшить популярность Платона, диалоги которого могли изучаться в гимназии как пример литературного текста с философским содержанием. Однако, как показывает Поле, Платон оказывается вписан в другой, нарастающий к рубежу веков, тренд. В то время как для одних античность ассоциировалась с муштрой уроков по греческой грамматике, другие увидели в древней Греции архаическую энергию и витальность молодости. Обращение к античной эстетике было особенно важным для новой буржуазии, так как давало шанс символически повысить свое положение в обществе. Эта тенденция дополнялась еще одной – обращение к античности помогало легитимировать сексуальную эмансипацию. Так, воспевающий мужские союзы платоновский «Пир» оказался особенно востребованным во все еще разделенной по половой принадлежности образовательной системе.

Изменение в отношении к Платону уловил издатель Ойген Дидерихс, заказав новый перевод диалогов Платона писателю и переводчику Рудольфу Касснеру (кстати, он также перевел и русских писателей, например, Пушкина и Достоевского). Ставка на эстетическое осовременивание и «онемечивание» диалогов Платона, принесла успех. К 20-м гг. тираж отдельных томов собрания сочинений Платона составил более тридцати пяти тысяч экземпляров (с. 164).

Мода на эстетически актуализованного Платона оказалась наиболее ярко представлена в кругу поэта Стефана Георге³.

---

³ С рецепции Платона в круге Георге русскоязычный читатель мог ознакомиться благодаря прекрасной работе Михаила Маяцкого: М.А. Маяцкий, *Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет* (М.: Изд. дом Высшей Школы Экономики, 2012).

Рихард Поле прослеживает, как менялся в среде близких к поэту интеллектуалов на протяжении тридцати лет образ Платона. В разных частях рецензируемой книги кругу Георге посвящено несколько больших разделов. Сквозное повествование, построенное на интеллектуальной эволюции таких поклонников Георге, как, например, Курт Хильдербрант и Вильгельм Андрез, кажется удачным решением, так как подчеркивает разницу между пониманием Платона в разные периоды немецкой истории первой трети XX в.

Как показывает Поле, в начале XX в. помимо эстетической существовали еще две альтернативные друг другу стратегии актуализации Платона. Одна реализовывалась неокантианскими философами, а другая – классическими филологами.

Главы Марбургской школы неокантианства, Герман Коген и Пауль Наторп, предлагали системное, антиисторическое прочтение Платона. Коген сфокусировался на эпистемологии Платона, а Наторп, который также был известен как специалист по педагогике, предложил леволиберальное и социалистическое толкование политического учения Платона (с. 211). Согласно Поле, именно Наторп впервые для немецкого контекста того времени помещает Платона в актуальную политическую дискуссию. Этот факт является значимым, так как в последующем будет доминировать консервативная и правая трактовка политического учения греческого философа.

Альтернативный неокантианскому образ Платона был предложен филологом Ульрихом фон Виламовицем-Мёллендорфом (в книге его имя указывается без второй части двойной фамилии). В 1919 г., будучи уже в почтенном возрасте, Виламовиц выпускает двухтомную биографию Платона. Этот, по сути, роман воспитания (*Bildungsroman*) стал в буквальном смысле бестселлером: только за первый год было напечатано более 10 тысяч экземпляров. Со слов Поле, Виламовиц является образцом того типа немецких академиков, которых Фриц Рингер назвал «мандаринами». Виламовиц, потерявший на восточном фронте своего старшего сына, тяжело переживал поражение Германии. Для него, монархиста и государственника, биография Платона содержала политический посыл. Его Платон, постулирующий «царство вечных форм», вызывал грусть

по недостижимости идеального мира и оптимизм по поводу существования понятного идеала будущего. Последующие в 1920-е гг. экономические кризисы Веймарской республики превращали Платона Виламовица в символ надежды для «всех недовольных» (с. 344), в собирательный образ мудрого государственного деятеля, являвшего собой полную противоположность реальным политикам того времени.

Кульминация ренессанса Платона пришлась в Веймарской Республике на вторую половину 20-х – начало 30-х гг. Для этого периода характерно последовательное антилиберальное прочтение Платона⁴. Однако оно вовсе не было однородным. Поле выделяет три интеллектуальные группы, каждая из которых имела свой вариант прочтения Платона: это сторонники круга Георге, соратники Вернера Йегера и члены общества Рудольфа Эйкена (Ойкена).

В круге Георге периода Веймарской республики фокус с поэтического прочтения Платона смещается на политические проекты, а учение Платона о норме начинает интерпретироваться в духе набирающих популярность расовых теорий.

Образ Платона как государственного мужа, способного вывести из духовных кризисов современности, интерпретация, которую можно распознать уже в Платоне Виламовица, получает дальнейшую разработку в текстах неоиdealиста и антипозитивиста Эйкена. Она получила широкое распространение прежде всего благодаря популярности автора: Рудольф Эйкен, получивший в 1908 г. Нобелевскую премию по литературе, сформировал вокруг себя общественное движение, насчитывающее около двух с половиной тысяч участников.

Однако центральную роль в платоновском ренессансе Веймарской республики все же играет Вернер Йегер. В противовес либеральной индивидуалистической этике Йегер провозглашает этику неогуманистическую. Она построена на постулировании диалектического отношения между человеком и государством.

---

⁴ Понимание того, насколько широко были распространены консервативные прочтения Платона, может объяснить, почему австрийские философы, прежде всего Отто Нейрат и Карл Поппер, видели в Платоне именно философа тоталитарного государства.

Человек раскрывает свой этический потенциал, соотносясь с авторитетом государства, а миссия государства состоит в том, чтобы способствовать духовному и нравственному существованию индивидов (с. 418). Важно подчеркнуть, что концепция Пайдеи, сформулированная Йегером, имела не только теоретическое измерение, но и воплощалась в образовательной политике. О широких возможностях влияния на политику в области образования свидетельствует тот факт, что в организованном Йегером в 1927 г. обществе, объединившем 605 участников, третью часть составляли директора и учителя гимназий, а также высшие чиновники министерств и дипломаты (с. 424).

Историю Платоновского ренессанса Поле заканчивает 1933 г. Вероятно, читателям книги, рассчитанной прежде всего на немецкую академическую аудиторию, бесславный конец Платоновской рецепции кажется очевидным. О Платоне после 1933 г. Поле говорит только в коротком заключении, констатируя, что, «несмотря на программный и личный разрыв, неоплатоническое толкование Платона оказалось эффективным инструментом, использованным в национал-социализме» (с. 544). Думаю, что освещение последующей семилетней истории было бы полезно как в полной мере завершающее тему Платоновского ренессанса в немецкой культуре, а сама книга только выиграла бы, повествуя о трагедии, постигнувшей блистательное академическое общество Германии. Чтобы показать уровень драматизма, достаточно указать на жизненные перипетии главных героев рецензируемой книги. Так, Курт Хильдербрант и Вильгельм Андреэ вступили в национал-социалистические организации и сделали академические карьеры в университетах Третьего Рейха, в то время как Вернер Йегер уже 1934–1935 гг. был вынужден отойти от публичной политики, а затем уехать в США, где он получил профессорскую позицию в Беркли, а потом в Чикаго.

Заканчивая рецензию на эту книгу, не могу не сказать о контексте, в котором выходит ее русский перевод⁵. Предваряет

---

⁵ Нужно отметить, что русскоязычное издание, согласно информации на университетской странице самого автора монографии, не было согласовано ни с ним, ни с издательством (https://www.geschichte.uni-halle.de/mitarbeiter/dr_richard_pohle/publikationen/ (дата обращения 22.06.2022)).

исследование Рихарда Поле статья О.А. Матвейчева, одного из ее переводчиков; в качестве послесловия публикуется статья другого переводчика книги – А.В. Перцева. Остановлюсь только на статье А.В. Перцева «О пользе и вреде классики для жизни», которая, на мой взгляд, больше похожа на публицистический памфлет, чем на академический комментарий. Кажется, что А.В. Перцев подходит к антимодернистским взглядам начала 1930-х гг. как к позиции, актуальной для нашей современности. Думаю, такое отрицание рефлексивной дистанцированности от дискуссии, состоявшейся уже почти сто лет назад, может нести в себе риски, похожие на те, что реализовались в Веймарской республике, а именно привести к идеологическому и политическому поражению значительной части консервативно настроенных мыслителей.

М.Р. Дёмин,
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге
190008, ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, Россия
mdemin@hse.ru